

10. Погорельский Ант. Избранное /сост., вступ. статья и примеч. М.А. Турьян; / Антоний Погорельский. – М.: Советская Россия, 1985. – 432 с.

11. Слюсар А.О. Фантастична повість в українській літературі 30-х років XIX ст. / А.О. Слюсар // Слюсарь Арнольд Алексеевич. Меморія. – Одесса: Астропринт, 2009. – С. 307–330.

УДК 821.161.1 – 312.6 Мартынов.09

О.А. Драган

## ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛИЗАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. МАРТЫНОВА

*Драган О.А.*

### ОСОБЛИВОСТІ ЦИКЛІЗАЦІЇ АВТОБІОГРАФІЧНИХ ТВОРІВ Л. МАРТИНОВА

*У статті досліджується система циклообразуючих мотивів і розглядається символічна роль наскрізного образу, що об'єднує новели в єдине ціле. Предметом уваги стали сюжетно-композиційні засоби організації художньої єдності циклу. Визначаються особливості заголовків і фіналів творів Л. Мартинова. Основною властивістю композиційної побудови книги «Повітряні фрегати» стає її цілісність, що обумовлена об'єднуючим образом автобіографічного героя, єдиною художньою концепцією при зовнішній незв'язності сюжетів окремих розділів. Книга Л. Мартинова є естетичним виразом філософії творчого шляху поета.*

**Ключові слова:** автобіографізм, циклізація, мотив, композиційна побудова художня концепція, принцип кільцевої замкненості.

*Драган О.А.*

### ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛИЗАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. МАРТЫНОВА

*В статье исследуется система циклообразующих мотивов и рассматривается символическая роль сквозного образа, объединяющего новеллы в единое целое. Предметом внимания стали сюжетно-композиционные средства организации художественного единства цикла. Отмечены особенности заглавий и финалов произведений Л. Мартынова. В качестве основного свойства композиционного построения книги «Воздушные фрегаты» выступает ее целостность, обусловленная единством образа автобиографического героя, художественной концепции книги при кажущейся несвязности сюжетов отдельных глав. Книга Л. Мартынова является эстетическим выражением философии творческого пути поэта.*

**Ключевые слова:** автобиографизм, циклизация, мотив, композиционное строение, художественная концепция, принцип кольцевой замкнутости.

*Dragan O.A.*

### FEATURES OF CYCLIZATION IN AUTOBIOGRAPHICAL WORKS BY L. MARTYNOV

*A system of cycle-forming motifs and the symbolic role of the through image joining short stories into a coherent whole are in the focus of this article. Plot and composition means of the organization of artistic unity of the cycle are regularities of titles and finals of literary works by L. Martynov are marked. The basic property of the composite construction of the book "Air frigates" is its integrity, conditioned by the image of the autobiographical character, artistic conception of the book under seeming disconnectedness of the subjects of separate chapters. Martynov's book is an aesthetic expression of the philosophy of the poet's creative life.*

**Key words:** autobiographism, cyclization, the motive, the principle of ring closure.

Творчество Леонида Николаевича Мартынова вызывает неизменный интерес у литературоведов и читателей. Он является автором замечательных стихотворений, исторических поэм и повестей, литературно-критических статей. Он широко известен своей переводческой деятельностью. Благодаря его переводам русский читатель имеет возможность познакомиться с творчеством таких поэтов, как Ф. Вийон, А. Рембо, Ш. Петефи,

А. Гидаш, Я. Неруда, А. Мицкевич, Я. Кохановский, П. Неруда, Х. Такташ, Э. Межелайтис, Г. Суворов и др.

Произведения Л. Мартынова – исторические поэмы 30-х годов, стихотворения 40-х годов, автобиографические сборники 70-х годов – вызвали разноречивые суждения критиков. Их внимание привлекала необычная форма, сочетание абстрактного и конкретного, романтического и сати-

рического, соединение в одном произведении различных жанров и стилей.

Однако его наследие изучено неравномерно. Внимание литературоведов в основном сосредоточено на поэзии Мартынова, а его проза до сих пор остается почти неисследованной. В этой связи показательна концепция В. Дементьева, автора монографии «Л. Мартынов: поэт и время», изданной в 1986 году. В ней проза поэта рассматривается как автокомментарий к поэтическому творчеству. Что же касается ряда важных суждений, высказанных в 70–90 годы XX века в статьях Л. Лавлинского, Ал. Михайлова, Н. Яновского, Г. Красникова, С. Поварцова, М. Штерн и др., а также в диссертационном исследовании Ю. Хон, то они, к сожалению, носят фрагментарный характер и не складываются в обобщающую концепцию, определяющую специфику, место и роль прозы в художественной системе писателя. Между тем Л. Мартыновым создана оригинальная и высокохудожественная автобиографическая проза, художественное своеобразие которой все еще требует внимания исследователей.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить основные особенности циклизации автобиографических произведений Л. Мартынова. Эта тема до сих пор не являлась предметом исследования литературоведов, между тем она позволяет говорить о структурно-семантических принципах построения его автобиографических текстов.

Проблема циклизации художественных произведений – одна из наиболее актуальных в современной теории и истории литературы. В 1970 – 80-е годы появились фундаментальные труды А.С. Янушкевича, Ю.В. Лебедева, посвященные русским прозаическим циклам XIX века; М.Н. Дарвина, изучавшего лирические циклы пушкинской эпохи; И.В. Фоменко, исследовавшего проблемы поэтики лирического цикла.

За этими авторами последовали десятки литературоведов, посвятивших свои труды изучению поэтики циклов конкретных поэтов и писателей. Заговорили о «цикловедческом» направлении в литературоведении. В частности, Л. Ляпина в книге «Циклизация в русской литературе XIX века» отметила, что «результаты сопоставительного анализа требовали выхода на новый уровень обобщения» [8, с.145].

По мнению Н.Н. Старыгиной, в литературоведении сложилось три концепции цикла: «Большинство исследователей (Ю.В. Лебедев, В.Ф. Козьмин, А.С. Бушмин, Г.И. Соболевская) – рассматривают цикл как жанр (или «жанровое образование»). С.Е. Шаталов, А.В. Чичерин и другие изучают цикл как «наджанровое объединение». Многие ученые (А. Белецкий, Б.М. Эйхенбаум, У. Фохт, Г.М. Фридендер, Ю.В. Лебедев и другие) считают, что цикл можно рассматривать как «ху-

дожественную лабораторию новых жанров» [13, с.7].

М.Н. Дарвин отметил, что в цикле «несколько лирических стихотворений объединены в единую поэтическую структуру при помощи самых различных конструктивных приёмов, главным из которых является единая сквозная тема или, что ещё чаще, единая авторская эмоция» [3, с.8]. По мнению В. Сапогова, «...лирический цикл, вне всякого сомнения, складывается как определённая жанровая форма и структурное образование в результате влияния прозы на стих» [12, с.90].

Несомненно, все поэтические сборники Л. Мартынова также подвержены лирической циклизации. Этот вопрос рассматривался И. Фоменко в статье «Книга стихов как жанр в творчестве Л. Мартынова», опубликованной в 1985 году. Позже некоторые аспекты этой проблемы были рассмотрены автором в диссертационном исследовании, посвященном поэтике лирического цикла. В своей работе И. Фоменко даёт такое жанровое определение цикла: «Цикл в узком, терминологическом значении (в противоположность «широкому» значению – как синоним понятий «ряд», «группа», «круг» произведений) – жанровое образование, созданный автором ансамбль стихотворений, главный признак которого – особые отношения между стихотворением и контекстом, позволяющие воплотить в системе определенным образом организованных стихотворений целостную и как угодно сложную систему авторских взглядов» [14, с.2].

Прозу Леонида Мартынова можно с уверенностью отнести к традиционной «прозе поэта». В статье «Черты сходства» Мартынов заметил: «...я – это я и никто больше, чем лирический поэт <...> обладающий своей большой или малой неповторимостью» [10, с.166]. Отношение Л. Мартынова к слову определялось влиянием всей культуры XX века. Одаренный поэт оказался в русле течений, связанных с существенным в ту пору обновлением поэтической образности, которое коснулось словаря, построения строки, меняющейся в пределах текста ритмики, передачи автором неожиданных деталей. Л. Мартынов находился под непосредственным влиянием поэтических открытий Маяковского, который привлекал его не как футурист, но как художник и график, отображавший события со своей особенной точки зрения.

Исходным языковым материалом Л. Мартынова, как и для многих поэтов XX в., стала разговорная речь, на фоне которой была замечательно представлена и техническая, и научная, и другая лексика [4, с.55]. Проза Мартынова рождалась в русле того же обновления языкового инструментария, которыми отличалась вся культура XX века. Одним их феноменов творчества Мартынова является единство стихотворной и нестиховой речи.

Критиками уже отмечалось своеобразие

стихотворных циклов Мартынова, заключающееся в строгой логичности композиции, кольцевой замкнутости и стройности, которая часто требует возвращения к исходной мысли. Такое кольцевое построение выполняет сложную задачу: исходная мысль повторяется в конце, но поскольку сам текст дал новый материал для ее подтверждения, мысль значительно углубляется, приобретая философское звучание. В заключении в наибольшей степени раскрывается смысл произведения. Можно отметить, что эта форма воплощает не замкнутость художественного мира поэта, а движение от категоричности первых строк к неожиданной концовке, несущей в себе яркий парадокс: «Я вслушиваюсь в себя» – «я вслушиваюсь в других» («Мирок»); «В земле таилось подземелье» – «змеилось в небо подземелье» («Подземелье»); «Оглядываясь на былое, мать я увидел и отца» – «глядя на былое, грядущее ты различишь» («Оглядываясь на былое») и т.п.

Этот художественный прием Л. Мартынов использовал не только в своих стихах, но и в автобиографических очерках и новеллах, которые содержат важнейшие размышления поэта о своем времени, о становлении творческой личности. Кольцевое построение мартыновских произведений помогает воссоздать описываемые события в их эволюции, определить их направления и закономерности. В прозе Мартынов сохраняет свою самобытность, но не утрачивает при этом связи с поэзией. Эта связь проявляется и в ассоциативном принципе повествования, и в яркой метафоричности, и в цитировании стихотворений – своих и чужих.

Прозаический цикл у Мартынова сохраняет многие признаки лирического цикла. К активным циклообразующим факторам в автобиографическом сборнике Мартынова «Воздушные фрегаты» относятся единство проблематики, общность сюжетных конфликтов и коллизий, образно-стилистическое решение, единый образ автора. Жанровыми признаками данного цикла являются общая атмосфера произведения, сквозной образ читателя, сквозные мотивы и образы, вариативное развитие тем, особая пространственно-временная организация, обрамляющие новеллы и очерки, лейтмотивность повествования и другие. «Для прозаического цикла характерно не только аналитическое начало, но и объемное восприятие действительности во всей её пестроте и сложности причинно-следственных связей, проникновения в глубинные процессы общественной и духовной жизни человека, постижение не только лежащих на поверхности классовых конфликтов, но и различных более частных явлений. Задача цикла – всесторонне изобразить жизнь человека и народа в их взаимосвязях. Такова жанровая концепция личности и действительности в цикле», – отмечает Н.Н. Ста-

рыгина [13, с.10].

Художественная индивидуальность писателя Л. Мартынова – емкое и многогранное явление, включающее в себя специфические социально-психологические качества личности, сформированные и постоянно формируемые временем, видение мира и художественное претворение его в творчестве. Как справедливо замечает Э. Шик, при этом «сказывается отношение автора к идейно-эстетическим запросам общества, своеобразие его творческого «я» и способность эстетического осознания изображаемой эпохи» [15, с.27].

По наблюдению И. Кузьмичева, циклы имеют свои закономерности, не исследованные должным образом. В общем виде можно говорить о том, что «циклизация представляет один из способов широкого обобщения, который приводит при известных условиях к перемещению произведений, сведенных в единое целое, из одного жанрового ряда в другой. Очерковые записи могут перемежаться с новеллами и даже небольшими повестями очеркового типа» [7, с.132].

Эта особенность проявилась, на наш взгляд, в автобиографических книгах «Воздушные фрегаты» и «Черты сходства». Говоря о жанровой специфике этих произведений, можно заметить, что некоторые главы книг относятся к очеркам и эссе, а некоторые имеют типичную новеллистическую структуру. В последнем типе глав история разворачивается по кумулятивному принципу (присоединение-нарастание однородных событий), причем финальные события связаны с резкой сменой точки зрения, в результате чего в новом освещении предстает исходная сюжетная ситуация. Именно на завершающем событии делается смысловой акцент.

Названные выше книги раскрывают свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Избирая такой подход к объединению разрозненных очерков и новелл, Мартынов придал книге целостность, сцементировав разнородный материал отдельных сюжетов, очень значимых для самого автора, в единое целое, сохранив при этом сквозную мысль, сквозной образ.

Первая автобиографическая книга Л. Мартынова «Воздушные фрегаты» вышла в свет в 1974 году. Она состоит из исторических новелл и очерков. Объединение произведений, различных по жанровому содержанию, во многом способствует пониманию смысла прошедших событий в «общей цепи их развития, в общей их связи» [13, с.17]. Эта связь проявляется благодаря творческому началу человеческой личности, без которого немислимы научно-технический прогресс, искусство, мировая культура. Творческое начало объединяет и героев книги «Воздушные фрегаты» – поэтов, писателей, художников, ученых. Истинное, свободное творчество всегда направлено на благо народа

– вот идейный смысл автобиографического цикла «Воздушные фрегаты».

В подзаголовке этой книги автор назвал все включенные в нее произведения новеллами. Обращение к новеллистическому жанру позволило Мартынову создать целостную картину, своеобразную мозаику, передающую жизнь в ее многочисленных проявлениях и в исторической перспективе. Он избрал трудный жанр новеллы, требующей четкой продуманности всех звеньев композиции, тщательной отделки сюжета. В новеллах поэта сочетаются такие жанровые особенности, как стремительное развитие событий и детальное изображение эпохи, характеристика персонажей в исторической перспективе. Связь с сегодняшним днем выражается в современном взгляде на прошлое, в изображении нравственных проблем, не теряющих значения и теперь. Речь идет о новеллах «Детские грезы», «Семейные предания», «Екатерининский завод», «Революция», «Омские озорники», «Зеркальщик», «Лик ликбеза» и др.

Сама эпоха, которую поэт назвал «рубеж двух миров», послужила стимулом к созданию автобиографических сборников. Осмысление собственного детства осуществлено в «Воздушных фрегатах» через поэзию. Автор, используя прием ретроспекции, заключает: «Оглядываясь на прошлое, думаю: не слишком ли умным и осведомленным я изображаю себя одиннадцатилетнего? <...> Думаю, что нет» [9, т.3, с.28]. Построение автобиографических книг ведет от фактов личной жизни Мартынова к истории. Писатель каждый раз предлагает особый сюжет для новелл, в котором сочетается документальность с авторским воображением, подчеркивающим художественную значимость книг.

Предметом особого внимания в автобиографических книгах Л. Мартынова стали проблемы литературного новаторства. Автор создает образ поэта нового времени. Центральное место во многих новеллах Мартынова занимают мотивы юношеского увлечения футуризмом, поэзией скитаний, героической историей Родины.

М.М. Гин отмечает, что важным признаком цикла является обзорность композиции: «обзорным принципом композиции мы называем такое построение литературного произведения, при котором организующим центром является не единый фабульный стержень, а единство идейно-тематического задания, проблематика, угол зрения, под которым и в соответствии с которым отбирается материал» [2, с.77].

В основу композиционного строения книги «Воздушные фрегаты» также положен прием циклизации. Первая и заключительная новеллы («Детские грезы», «Курган среди асфальта»), перекликаясь, образуют своеобразный замкнутый сюжет, дают возможность свободно обращаться к

биографическим фактам, вкрапляя их в эпические картины без боязни потерять сквозную мысль.

Книгу открывает новелла «Детские грезы». Уже здесь проявились значимые для писателя темы, которые объединяют все новеллы и являются сквозными: возвращение к истокам, приобщение к миру литературы и поэзии, зарождение и рост творческой индивидуальности. Судьба поэта неотделима от судьбы народа, от эпохи, в которой он живет, поэтому тема Родины, тема народа, революционных перемен постоянно присутствует в книге. Так, в новелле «Детские грезы» поэт описывает свое детство, город Омск с его многонациональным населением, в котором он родился и вырос, свои первые увлечения техникой, рисованием, первые знакомства с книгами.

Мартынов характеризует и эволюцию своих читательских интересов. Повествуя об увлечении десятилетнего мальчика детективами, приключениями и исторической фантастикой, он упоминает об отсутствии интереса к поэзии: «классическая поэзия, трактующая о вещах и явлениях, не имевших никакого отношения к моему пыльно-снежному паровозно-пароходному зауральскому бытию, казалась мне прекрасно-далекой и величественно-скучной почти в такой же мере, как поэзия символистов» [9, т.3, с.14]. В конце же главы отношение автобиографического героя к поэзии постепенно меняется. Мартынов пишет: «...поэзия <...> только и ждала, чтобы забрать меня в свои руки, к тому же вернуть с небес на землю» [9, т.3, с.16.]. Тогда шел второй год гражданской войны, и юному поэту были близки все военные события. Его родной город был наполнен ее эхом. В то время Мартынов впервые прочитал стихотворение Маяковского «Я и Наполеон» и «приобщился к мировым событиям», проведя параллели между содержанием стихотворения и событиями Омска в годы гражданской войны.

Новелла «Курган среди асфальта» замыкает цикл «Воздушные фрегаты». В ней тема Родины приобретает обобщенное звучание. Здесь поэт высказывает то, что волновало его и раньше, а теперь окончательно оформилось в его сознании – это «чувство принадлежности к роду, чувство прародины» [10, с.389]. В определенный момент жизни ощущение связи между прошлым, настоящим и будущим, чувство национальной гордости, таящееся где-то в глубине его души, внезапно выступают отчетливо, уверенно и проникновенно. Говоря о становлении чувства национальной гордости своего автобиографического героя, Л. Мартынов внимательно проследивает эволюцию его мировоззрения. Например, если в детском сознании юного поэта Илья Муромец ассоциировался только с «одноименным знаменитым аэропланом» [10, с.389], а воспоминание о национальной старине приходило лишь при виде шле-

мов-богатырок красноармейцев, то на рубеже 70-х годов XX века автор, умудренный жизненным опытом, принимает глубоко в сердце образ Родины, ее национальных истоков.

Это чувство проснулось в нем от соприкосновения с теми массами народа, которые после революции хлынули из-за Урала на восток. Все эти землекопы, плотники, каменщики, тачечники, грузчики из-под Рязани, из-под Тамбова, из-под Чернигова и Смоленска – рабочие первых советских строек в Сибири – приводили его к мысли, что у него, Л. Мартынова, есть своя крестьянская родословная, его род происходит из того же русского корня. И, как справедливо заметил В. Дементьев, «это новое ощущение своего конкретного «я» как части единого и многоликого целого на многие годы вдохновило автора «Воздушных фрегат», определило его дальнейшие замыслы и художественные свершения» [5, с.276].

В последней главе книги, рассказывая о встречах с курганными могильниками, могилами далеких предков – кривичей, вятичей, чьи потомки осваивали впоследствии Сибирь и Дальний Восток, – автор размышляет именно о преемственности поколений, о том, что «судьба человека определяется не только сегодняшними событиями, но и тем, что происходило сто, двести, тысячу лет назад» [9, т.3, с.392]. Заметив бугорок на одном из новых проспектов Москвы, увитый корнями старых деревьев, напоминающий курганные могильники, автор с гордостью восклицает: «...Курган среди асфальта! Вот как крепко уцепились за эту землю мои предки – кривичи или вятичи...» [9, т.3, с.394]. Раздумья и сомнения, печали и радости каждого человека не умирают вместе с ним. Вместе взятые, они и составляют тот духовный опыт человечества, который передается из поколения в поколение. Так повествование, начатое в первых главах книги, завершается в его конце, и тем самым достигается законченность всего цикла.

Особенностью автобиографической книги Л. Мартынова является сюжетная разобщенность и одновременно глубокая объединенность ее глав, которые связаны единой проблематикой и автобиографическим героем. При этом каждая новелла имеет самостоятельное значение, представляет собой художественно-законченное произведение. В ее основу, как правило, положен какой-либо эпизод, факт из жизни героя. И, несмотря на то, что все они сюжетно самостоятельны, переход от одной новеллы к другой обязательно мотивирован, причем автор использует различные приемы повествования, что еще более укрепляет их взаимосвязь. В одном случае проблема, намеченная и не раскрытая в одной из новелл или очерков, раскрывается в последующей или освещается с других позиций, в другом – переход от одной новеллы к другой, их взаимосвязь могут быть выражены пе-

рекличкой какой-либо мысли, фразы или повтором стихотворения.

Так, например, в новелле «Семейные предания» Л. Мартынов сообщает о своем первом знакомстве с творчеством В. Маяковского, а в новелле «Вторая любовь» – объясняет, чем именно его покорила Маяковский. Автор пишет, что поэт привлекал его «вовсе не как футурист, а просто как художник слова, живописец и график слова, волшебник слова» [9, т.3, с.27]. Маяковский был близок Мартынову своей соизмеримостью с великими событиями эпохи. Благодаря Маяковскому поэт «...понял, что такое поэзия вообще» [9, т.3, с.27], сумел оценить Г. Аполлинера, А. Рембо, Ш. Петефи, П. Верлена, Ш. Бодлера, С. Малларме и др. Познакомившись с творчеством французских символистов, поэт открыл для себя, что мир поэзии парадоксален, индивидуально неповторим, трагически осложнен: «...все великие поэты похожи друг на друга своей неповторимостью, своими неповторимо трагическими судьбами, своей непохожестью на кого бы то ни было» [9, т.3, с.28].

Образ Маяковского и его стихи живут в сознании Мартынова наряду с преклонением перед поэзией А. Блока. Между тем поэт подчеркивает, что под влиянием стихов Блока у него лишь укрепился контакт с Маяковским: «Так перед революцией, через вторую любовь, к Блоку, я вернулся к своей первой любви – Маяковскому» [9, т.3, с.33].

Говоря о новелле «Вторая любовь», следует заметить, что в ней наиболее наглядно можно проследить принцип кольцевой замкнутости и переклички названия с итоговой мыслью в конце. Эта глава начинается с рассуждений Л. Мартынова о значении Маяковского в формировании его поэтических пристрастий и заканчивается признанием автора о своем возвращении к Маяковскому после знакомства с поэзией Блока. Если в новеллах «Детские грезы» и «Семейные предания» увлечение Маяковским передается как непосредственное чувство юного героя, впервые испытавшего радость общения с Поэзией, то в главе «Вторая любовь» обращение к Маяковскому носит осознанный характер, является выражением идейно-эстетической позиции юного Мартынова, сложившейся в результате усиленного чтения произведений русских и зарубежных поэтов.

В главе «Петефи» автор размышляет о своеобразии поэзии Ш. Петефи, рассказывает о своем знакомстве с венграми, а через них – и с жизнью и культурой их страны. Будучи переводчиком стихотворений и поэм Ш. Петефи, Мартынов делился с читателями мыслями о трудностях поэтического перевода, отмечает типологическое сходство поэзии Петефи и Маяковского. Новелла «Петефи» продолжает разговор, начатый в главе «К проблеме перевода», в которой Мартынов вспоми-

нает свои первые переводы французской и английской поэзии, рассуждает об интересной, увлекательной, хотя и нелегкой работе переводчика.

Взаимосвязь, переключки обнаруживается и в главах «Четвертое измерение» и «Дуэльный кодекс». В первой из них описывается книжный магазин Александрова и его книжный фонд. Внимание юного Мартынова привлекло множество книг. Среди них ему особенно запомнились сборник известного в то время поэта В. Горянского «Крылом по земле», которого «... часть публики предпочитала и даже противопоставляла Маяковскому» [9, т.3, с.92], книга «Дуэльный кодекс», «Книжка о жизни против смерти профессора Фехтера», книга доктора Бека «Космическое сознание» и Хинтона «Четвертое измерение и эра новой мысли с восьмьюдесятью восьмью рисунками». В завершение Мартынов пишет: «... все-таки интересно прочесть в свете нашего космического времени, как оно представлялось доктору Беку, который <...> утверждал, что <...> среди человечества быстро образуется новая раса, раса людей космического сознания» [9, т.3, с.94]. Эта мысль о космосе продолжается в следующей главе «Дуэльный кодекс»: «Космическая эра настала через полвека после того, как прочел я вышеупомянутую рекламку в конце книги Хинтона. А с вопросом о дуэльном кодексе я столкнулся значительно раньше <...> И вот они вспомнились именно при перечитывании предыдущей главы, при упоминании о «Дуэльном кодексе» [9, т.3, с.95].

В новелле «Зеленая рука» Л. Мартынов говорит о встречах с А. Оленичем-Гнененко, который был поэтом и редактором газеты «Рабочий путь», где юный Мартынов подрабатывал. Оленич-Гнененко всегда внимательно выслушивал молодого автора футуристических стихов. Позже не без его помощи Мартынов уехал в Москву для продолжения образования. Автор завершает новеллу стихами, в которых запечатлевает себя в те далекие годы:

Ветер мел снег, клубил песок,  
И, кепи на затылок сдвинув,  
Багроволиц, угрюм, высок,  
По Лермонтовской шел Мартынов

[9, т.3, с.132].

Эти же стихи служат эпиграфом к следующей главе цикла «Лермонтовская улица», одновременно являясь толчком для создания нового сюжетного повествования. Такой прием позволяет Мартынову совершать переход от одной новеллы к другой, и, не изменяя тона повествования, соединять разрозненные сюжеты в единый текст.

В книге «Воздушные фрегаты» условно можно выделить несколько циклов новелл, сходных по стилю и интонации повествования, а также связанных между собой тематически. Это цикл о детстве и родных писателя, новеллы о сибирс-

ких литераторах, новеллы о Казахстане, очерки о специфике литературного творчества («Лукоморье»), «Пути поэзии», «К проблеме перевода», «Петефи», «Как мы пишем»).

На первый взгляд может показаться, что сюжет каждой главы выбран автором спонтанно, как бы «вырван» из воспоминаний. Еще одной особенностью построения книги является взаимосвязь заглавия каждой новеллы с ее основной мыслью, которая, расширившись и приобретя новое философское звучание, обозначена в ее конце. Это также подтверждает использование Мартыновым принципа кольцевой замкнутости в композиции каждой отдельно взятой главы.

Цельность книги «Воздушные фрегаты» обеспечивается благодаря единству главного героя и личности автора-повествователя. Своеобразие конфликта в новеллах «Детские грезы», «Семейные предания», «Вторая любовь» заключается в раскрытии внутренних противоречий юного Леонида. Автору удалось воссоздать образ одаренной, увлекающейся натуры автобиографического героя, его впечатлительный характер, ищущий и беспокойный.

В новелле «Детский сад» прошлое передается через картину воспитания детей в одном из лучших детсадов дореволюционного Омска, где царила «палочная дисциплина», убивающая в человеке самостоятельность действий, фантазию, пытливість, стремление к неизвестному, словом, «все то, что в какой-то мере свойственно каждому художнику, фантасту, творцу!» [9, т.3, с.39]. Говоря о причинах своего пребывания в детском саду фрау Бракш, Мартынов вспоминает, что его отец, не сумев в свое время выучить немецкий язык, захотел приобщить сына к его изучению, отдав в специализированный детский сад. Для более точного описания формирования своей языковой личности, рождения чувства слова при обучении языку, автор неоднократно прибегает к вкраплению «чужой речи», «чужого слова» в своих текстах. Мартынов приводит мнение своего отца о том, что иностранному языку надо обучаться в детском возрасте: «... немецкий язык прямо-таки необходим для усвоения новой технической литературы <...> если можно, так надо учиться с детства» [9, т.3, с.34].

В главе «Детский сад» воссоздается процесс познания мира поэтом через слово. И это слово, как основное средство номинации новых реалий окружающей действительности, служит своеобразной границей «своего», уже познанного героем новеллы мира, и «чужого», мира неизвестных понятий и чувств. Несколькими штрихами (Карлушка, стоящий в углу; узник, томящийся на цепях) Мартынов создает правдивую картину воспитания и наказания, существовавших в дореволюционной России. Представляя читателю хозяй-

ку детского сада фрау Бракш, автор подчеркивает отсутствие у нее индивидуальных черт характера, что являлось типичным для того времени. Выступая против наказаний как средства воспитания детей, Мартынов выражает свой протест против педантичности воспитателей. Выделяя мальчика Леню среди всех учеников, говоря о его своеобразном характере, автор размышляет о зарождении чувства протеста по отношению к устоявшимся правилам – чувства, которое позже заставило его вступать в споры с учителями и наставниками, заставлявшем его думать и делать все не по правилам, читать, что не велено, рисовать, что нравилось. И тут возникает ассоциативный ряд понятий: наказание, приказание, указание, указы, проказы, приказы, которые в детском мировосприятии сыграли решающую роль при постижении мира через слово и в слове.

Поэт еще в юном возрасте открыл для себя стремление в неизвестные пространства, решимость не сдаваться, сладость неподчинения никому на свете, «радость делать по-своему» [9, т.3, с.38-39]. Этим обобщением автор заканчивает главу, где через поступки и поведение автобиографического героя проявляется его стремление к свободе, поиск своего пути в жизни и в искусстве.

Интересы юного героя, его нравственное развитие, симпатии и антипатии вполне соответствуют его возрасту и эпохе. Например, в новелле «Ребяческие игры» автор убедительно передает переживания юного героя, ожидающего визита Вальса к его родителям. Правдивость и конкретность описания старого Омска (что неоднократно подчеркивалось различными критиками, такими как А. Никульков, Ал. Михайлов и мн. др.), воссоздание далекого прошлого достигается с помощью реалистичных зарисовок различных значимых мест города (Омская крепость, Казачий собор, Казачий сад, Казачий базар, Казачье кладбище, Железный мост), через характеристику нравов обитателей города. В главе «Ребяческие игры» основной конфликт возникает между мальчиками, увлекшимися игрой в лунки, и домохозяином Вальсом, который выступал против рытья лунок во дворе. Драматический конфликт неожиданно для юного Мартынова закончился примирением с Вальсом. Это позволило лучше узнать внешне сурового, но доброго старика, в минуту гнева похожего и на джек-лондонского Волка Ларсена среди бунтующей команды, и на Гулливера среди лилипутов. Вероятно, таким и был Андерс Вальс во время бунта против барона, за что и был сослан из Ревеля в Сибирь. Мартынов подчеркивает в своем герое стойкость, мужество, огромную силу духа, талант, трудолюбие. Проведя сравнения Андерса Вальса с другими героями, автор снова упоминает о пользе чтения книг. В конце новеллы он с гордостью рассказывает о том, что Вальс вел себя с ним как с

равным. Так характеризуется еще одна ступень взросления автобиографического героя.

Проделанное нами исследование открывает книгу «Воздушные фрегаты» с новой, недостаточно изученной стороны и дает возможность углубить понимание автобиографической прозы Мартынова.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. / Валерий Яковлевич Брюсов. – М.: Худож. лит.-ра. – Т.1. – 1973. – 604 с.
2. Гин М.М. О своеобразии русского реализма Некрасова / Моисей Михайлович Гин. – Петрозаводск: Карельское книжн. изд-во, – 1966. – 288 с.
3. Дарвин М.Н. Художественная циклизация лирических произведений: Спецкурс. Текст лекций / М.Н. Дарвин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 38 с.
4. Дементьев В.В. Леонид Мартынов. Поэт и время / Валерий Васильевич Дементьев. – М.: Сов. писатель, – 1986. – 304 с.
5. Дементьев В.В. Проза поэта / Валерий Васильевич Дементьев // Новый мир. – 1975. – №5. – С.273 – 276.
6. Залыгин С.П. Поэтическая история Сибири / С.П. Залыгин // Мартынов Л. Поэмы. – Новосибирск: Зап.- сиб. кн. изд-во, 1964. – С.129 – 164.
7. Кузьмичев И.К. Герой и народ / Иван Кириллович Кузьмичев. – М.: Современник, – 1973. – 336 с.
8. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века / Л.Е. Ляпина. – СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 1999. – 281 с.
9. Мартынов Л.Н. Собр. соч.: В 3 тт. / Леонид Николаевич Мартынов. – М.: Худож. литература. – 1977.
10. Мартынов Л.Н. Черты сходства / Леонид Николаевич Мартынов // Октябрь. – 1979. – №4. – С.154 – 166.
11. Поликовская Л. В. Теорема бытия / Людмила Владимировна Поликовская // Наука и религия. – 1975. – №6. – С.91 – 92.
12. Сапогов В.А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока / В.А. Сапогов // Язык и стиль художественного произведения. – М.: Наука, – 1966.
13. Старыгина Н.Н. Проблема цикла в прозе Н.С. Лескова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Русская литература» / Н.Н. Старыгина. – Л. – 1985. – 20 с.
14. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец.10.01.02 «Русская литература» / И.В. Фоменко – М. – 1990. – 19 с.
15. Шик Э.Г. Проблема художественной

индивидуальности в автобиографической прозе  
Л. Н. Мартынова / Э. Г. Шик // Проблемы творче-

ства Л. Мартынова: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Изд-во ОГУ – 1985. – С.57 – 65.

УДК 821.161.1 – 1 («19»)

Ю.В. Поддубко

## ПОЭЗИЯ А. КУШНЕРА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

*Поддубко Ю.В.*

### ПОЭЗИЯ О. КУШНЕРА В ОЦІНЦІ СУЧАСНОЇ КРИТИКИ

*Стаття присвячена дослідженню реценції поетичної творчості О. Кушнера в сучасній критиці. В ній зіставляються різні точки зору відносно проблематики та поетики його лірики. У статті показано, що інтелектуалізм, насиченість культурними асоціаціями, вірність поетичній традиції виявляються характерними рисами ліричної системи Кушнера, в оцінці яких критики не завжди були одноставні. Разом із тим на сьогоднішній день твори Кушнера визнані класичними зразками російської поезії двадцятого сторіччя.*

**Ключові слова:** реценція, критика, проблематика, поетика, традиції

*Поддубко Ю.В.*

### ПОЭЗИЯ А. КУШНЕРА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

*Статья посвящена исследованию реценции поэтического творчества А. Кушнера в современной критике. В ней сопоставляются разные точки зрения относительно проблематики и поэтики его лирики. В статье показано, что интеллектуализм, насыщенность культурными ассоциациями, верность поэтической традиции являются характерными чертами лирической системы Кушнера, в оценке которых критики не всегда были единодушны. Вместе с тем в настоящее время произведения Кушнера признаны классическими образцами русской поэзии двадцатого века.*

**Ключевые слова:** реценция, критика, проблематика, поэтика, традиции

*Poddubko Y.V.*

### A. KUSHNER'S POETRY IN REVIEWS OF MODERN CRITICISM

*This article is devoted to the research of the reception of Kushner's poetical creativity in modern criticism. Different points of view on subject matter and poetics of his lyrics are compared. This article states that intellectualism, richness of cultural connotations, faithfulness to poetical tradition are features of Kushner's lyrical system to which literary critics were not always unanimous. At present Kushner's works are appreciated as classical examples of Russian poetry of the twentieth century.*

**Key words:** reception, criticism, subject matter, poetics, tradition

Александр Кушнер является одной из самых ярких фигур в современной русской поэзии. И. Бродский назвал его одним из лучших лирических поэтов XX века. «...его имени, – писал Нобелевский лауреат о Кушнере, – суждено стоять в ряду имен, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский» [9, с.5].

Автор восемнадцати стихотворных сборников, девяти книг избранных стихов и нескольких эссеистических книг, Александр Семенович Кушнер прочно вошел в сознание читателей его творчества как убежденный хранитель классических традиций русской и мировой литературы. Не удивительно, что его художественное творчество привлекало внимание критики с момента первых публикаций. Уже в ранних откликах были отмечены такие характерные черты творческой индивидуальности поэта, как установка на «интеллек-

туальность», стремление сохранить культурные ценности, выработанные человечеством, и с их помощью гармонизировать тот далекий от гармонии мир, частью которого был и он сам. «Времена не выбирают» – утверждал Кушнер в одном из самых известных своих стихотворений. В его творчестве отразились и те времена, в которые была вписана его собственная поэзия, и все культурные достижения, способствовавшие гуманистическому направлению развития человеческой цивилизации.

Творчество А. Кушнера стало предметом внимания огромного числа критиков и литературоведов. К числу наиболее авторитетных статей о его поэтическом наследии можно отнести рецензии Л.Я. Гинзбург «Смысл жизни – в жизни, в ней самой...» (на сборник «Дневные сны»), Д.С. Лихачева «Кратчайший путь» (на книги «Канва» и